
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VIII

посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН
(СПбФ ИВ РАН)

Составитель и автор предисловия И. В. Кульганек

St. Petersburg
2008

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), Л. Г. Скородумова, Н. С. Яхонтова

*Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра*

Монголика-VIII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 160 с.

Восьмой выпуск сборника посвящен 190-летию Азиатского музея, предшественника Института восточных рукописей (Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН). Имеет те же разделы, что и предыдущие выпуски: «Историография и источниковедение»; «Литературоведение и фольклористика»; «Из архивов отечественных востоковедов»; «Научная жизнь»; «Наши переводы». Статьи об истории монголоведения, о формировании рукописных и архивных фондов Санкт-Петербурга, а также историографические, литературоведческие, текстологические и лингвистические написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и монгольскими специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги и монгольские переводы художественной литературы.

Статьи, написанные в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголыязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей России и Центральной Азии.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2008. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 уч.-изд. л. Заказ № 697

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

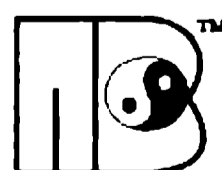
No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-392-9

© Петербургское Востоковедение, 2008

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	.....	5
Т. Ю. Евдокимова, И. В. Кульганек	Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете	12
И. В. Кульганек	Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН	28
И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева, И. В. Кульганек	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН	31
Историография, источниковедение		
Е. И. Кычанов	Тангутские (Си Ся) источники о татарах	34
Ю. И. Дробышев	Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии	37
А. Г. Юрченко	Монгольская империя на Каталанском атласе 1375	50
Литературоведение, фольклористика, текстология		
Л. Г. Скородумова	Об эволюции художественного образа в монгольской литературе	61
С. Байгалсайхан	Монгольские ученые о монгольской литературе	69
К. В. Алексеев	О некоторых проблемах изучения средневековых монгольских переводов с тибетского	75
С. Хувсгул	Действующие лица религиозной драмы Д. Равджи «Лунная кукушка»	81
С. С. Сабрукова	Текстологический анализ двух монгольских переводов «Бодхичарьяаватары» (Bodisud nom-un yabudal-dur ogoqu peretu sastir orosibai)	86
Б. С. Дугаров	Пантеон восточных тэнгриев в эпосе «Абай Гэсэр Богдо хан»	93
М. П. Петрова	Ритуальная поэзия Д. Бямбадорджа	100
Р. В. Ивлева	Рассказ Д. Норова «Синий камень»	104
Б. Сухэ	Исторические корни монгольского театра	106
Т. А. Пострелова	П. Пясецкий в Монголии	113
Н. С. Яхонтова	Названия Луны (санскрит — тибетский — монгольский)	118
Из архивов востоковедов		
И. И. Ломакина	Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)». Подготовка к печати, введение и комментарий Н. А. Симуковой	128
	Новые книги по монголоведению	136
Наши переводы		
Д. Батбаяр	Прозаические миниатюры. Пер. Л. К. Герасимович	141
	Охотничьи рассказы монгольских писателей. Пер. Л. Г. Скородумовой	145
Б. Лхагвасурэн	Стихи. Пер. П. М. Петровой	153
Б. Явухулан	Стихи. Пер. Л. Букиной	155
	Современная монгольская поэзия: Ц. Тумэнбаяр, Л. Хасар, С. Билигсайхан, С. Оюнгогс, Т.-О. Эрдэнэцогт, П. Бадарч. Пер. Е. Мальцевой, И. Содномовой, Д. Куленкова, А. Курбешевой, Е. Васько, Д. Водяницкой	157
Summary	.....	159

Т. А. Пострелова

П. Пясецкий в Монголии

14 марта (по старому стилю) 1874 г. из Санкт-Петербурга через Сибирь в Монголию и Китай двинулась экспедиция под руководством подполковника Генерального штаба Ю. А. Сосновского¹. Эта группа исследователей была направлена Правительством России (к сожалению, без участия Российского географического общества). Перед путешественниками было поставлено несколько задач. Необходимо было исследовать в топографическом отношении дорогу от Дзайсанского поста к юго-западу Китая для разработки в будущем удобных торговых путей; выяснить, где удобно учреждать Консульство, фактории либо торговые агентства; «посетить места, до сих пор почти неведомые, и возвратиться в Россию таким путем, по которому проезд иностранцев китайским правительством не допускается или разрешается весьма неохотно» [Т. I. С. 4]; собрать сведения о так называемом Дунганском восстании.

В состав группы входили самые разные специалисты. Врачом был назначен Павел Яковлевич Пясецкий, приписанный к Генеральному штабу, служивший в Петербурге, в Центральном госпитале Военно-медицинской академии столицы. В Омске присоединился офицер-топограф З. Л. Матусовский. Частным образом начальник экспедиции пригласил фотографа А. Э. Боярского (из Омска) и переводчиков И. С. Андриевского из Иркутска и китайца Сюя из Пекина. В Семипалатинске в состав экспедиции были включены три конвоира — казаки из западно-сибирского войска.

Личность П. Пясецкого интересна тем, что он совмещал в себе врача-ученого (был доктором медицины) и художника (окончил класс рисунка П. Чистякова при Петербургской академии художеств). С первых дней работы экспедиции он не расставался с кистью, бумагой и красками. В его дневниках, относящихся к началу экспедиции, есть такие записи: «...набросал акварелью несколько типов монголов и монголоков, которых угощал в благодарность за позирование леденцом и китайским печеньем...»; «Сегодня удалось нарисовать, что доставило большое удовольствие монголам»; «Портрет акварелью, с не осо-

бенно тщательной отделкой, делается очень скоро, и когда он был готов, все стали рассматривать его, удивлялись сходству, узнавали нарисованные вещи и не могли удержаться, чтоб не хохотать от удовольствия, причем каждый из них объяснял другому, что узнавал сам»; «...я, не теряя ни минуты времени, захватил рисовальные принадлежности и уселся рисовать... рисование акварельными красками не требует почти никаких приготовлений и ими можно работать с необычайной быстротой...» [Т. I. С. 57, 58, 84—85, 104]. Весь путь по России, Монголии, Китаю он воспроизвел в живописном полотне длиной в несколько десятков метров («в каждом аршине — 50 верст пути»): так появилась первая панорама в истории русской живописи XIX в. В 1900 г. панорама была экспонирована на всемирной выставке в Париже, художник был удостоен за нее ордена Почетного легиона. Кроме того, он вел «естественно-исторические исследования».

Монголия в цвете и лицах стала известна русским ученым и зрителям только благодаря записям, рисункам и живописи П. Пясецкого. Он писал: «Хотелось и нужно было предварительно многое узнать об этих странах ... но узнать было неоткуда, и перед глазами стоял мрак, наводивший на разные тревожные мысли...» [Т. I. С. 4].

После завершения экспедиции его работы выставлялись неоднократно: в Российском географическом обществе, на съезде ориенталистов, в Академии художеств, на Всероссийской промышленной выставке в Москве.

В 1881—1882 гг. двухтомный дневник П. Пясецкого «Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай)» был переиздан².

П. Пясецкий родился в г. Орле в 1843 г., отлично учился в гимназии, поступил в Московский государственный университет на медицинский факультет, который блестяще закончил и вскоре защитил докторскую диссертацию (1871). Все эти годы он не расставался с карандашом и тушью, создав много анатомических листов.

Год проработал в московской городской больнице, а в 1872 г. переехал в Петербург, где был приписан к Военно-медицинской академии при Генеральном штабе. Вся его сознательная деятельность прошла в служении на медицинском поприще, но главным любимым делом, поглощавшим его душу, были живопись и рисунок. Он рисовал, путешествуя по Монголии и Китаю, сопровождая дипломатический корпус в Персию, находясь на флагманском корабле, представляя русский военный флот, прибывший в Англию, в Портсмут, путешествуя по пустыне Кара-Кум. Он рисовал в поездке с цесаревичем по Маньчжурии и Японии, а также находясь в Болгарии в период русско-турецкой военной кампании (1877—1878).

Его рисунки и акварели в настоящее время хранятся в Институте восточных рукописей РАН, в Псковской художественной галерее, в Музее изобразительных искусств г. Орла, в частных коллекциях Москвы и Петербурга, в Государственных архивах. Самая большая коллекция хранится в Государственном Эрмитаже.

Монголия и Китай произвели на П. Пясецкого неизгладимое впечатление: он стремился приехать сюда еще раз, но мечте его не было суждено сбыться. Однако даже то, что он сделал, явилось крупным вкладом в отечественное востоковедение. В частности, известный ученый-монголовед А. М. Позднеев писал в своих воспоминаниях, что путевые заметки, рисунки и живописные композиции П. Пясецкого подготовили его к восприятию Дальнего Востока, в том числе Монголии и Китая.

П. Пясецкий шел с большим караваном по Монголии больше месяца — с 13 июля по 10 августа (по старому стилю) 1874 г. Его окружали горное плато, вершины, ущелья, долины, степи, реки. Путевые дневники знакомят читателя «с природою стран обширной Китайской империи, с ее степями, морем, и оживленными реками, с внутренними провинциями, поражающими густотою своего населения и характером представителей последнего, с провинциями, обезлюденными последнею страшною войною, и с необитаемыми пустынями» [Т. I. С. 5]. В своих зарисовках он старался избегать делать какие-либо выводы об увиденном, полагая, как он написал в своих дневниках, что люди, «более сведущие, делают это лучше» него» [Т. С. 5]. В начале путешествия П. Пясецкого поразили своей оригинальностью устройство китайских телег и монгольский способ запрягать лошадей. Этому автор дневников посвятил две страницы своей книги [Т. I. С. 28—29]. Первые километры по Монголии, после пересечения границы с Россией в Кяхте, погрузили путешественника в новую среду и были для него интересными и новыми. Он писал: «Наша учено-торговая экспедиция погрузилась в повозки, китайские телеги, которые называли „лежанками“, а сопровождающие ехали до первой станции в экипажах» [Там же]. Экспедиция была многолюдной: основных членов экспедиции сопровождали 20 монголов, две монголки, 5 русских

всадников, 2 чиновника — монгол и китаец, 15 запасных лошадей, 3 телеги.

В конце первой главы описывается первый ночлег в Монголии. Во второй главе — поездка через Монголию в Китай. Она включает рассказы о способе передвижения монголов на телегах, о переправе через реку Иро, о приеме их монгольскими чиновниками, описание станций, горных перевалов. Есть в дневниках и этнографические зарисовки. Любопытны, например, такие его записи: «...главную пищу их составляет чай с молоком, айриг (род кумыса, приготовляемый род коровьего молока), хурут — высушенный и поджаренный творог или сыр; он бывает кислый или пресный, жирный или вовсе не содержащий масла; урюм, или пенки с молока... мясо, по преимуществу баранье, едят только люди зажиточные, а бедные совсем его не едят», или такие: «...бараны и лошади — его деньги, за которые он может получить платье, седло, нож, трубку, шляпу, сапоги и некоторые предметы роскоши... у китайцев же монголы приобретают домашнюю утварь, а именно медную и чугунную посуду, деревянный сундук, скамейку, ложку и чашку» [Т. I. С. 43]. Ярко и точно описывает П. Пясецкий свой въезд в столицу Монголии — Ургу: «Мы наконец увидели перед собою город, расположенный на обширной плоской долине, окруженной горами... я вступил на площадь, застроенную одноцветными глиняными домиками... Это и есть город Урга, в котором только в одном месте возвышались блестящие золотые крыши причудливых форм, окруженные странными фигурами символического значения; неподалеку находилась другая куполообразная крыша, по-видимому храма, да еще верхушка как бы огромной юрты; множество маленьких флагов и воткнутых сосновых ветвей, еще зеленых или уже покрасневших, украшали эти здания. Последние были — дворец хутухты — духовного лица, которым олицетворяется божество, кумирня Майдар и монгольское ламское училище...» [Т. I. С. 45]. Все вызвало у художника интерес: русское консульство, жизнь города, лагерь китайского гарнизона, китайские солдаты, летний дворец хутухты, русские купцы. О том, что он посещал своих соотечественников, можно узнать по таким строчкам в его дневнике: «Заходил к своим землякам, которые живут здесь уже по нескольку лет, занимаясь торговлей чаем, мукой и зерном разного рода, а также мехами и разными мелкими предметами по части домашней утвари или украшений...» [Т. I. С. 54]. Затем он описывает отъезд из Урги, движение каравана по пустыне, пикет Сайр-Усу, свое первое знакомство со «степными законами», пикет Толи, ламский монастырь, пустыню Гоби, верблюдов, бессонную ночь, которую им пришлось пережить, постепенное изменение природы и оживление страны. Об этом он пишет так: «Характер страны резко переменяется: богатые луговые растения с множеством разнообразных цветов... Станция Чачарту представляла оживленный пикет... юрты окружены каменными оградами — признак некоторой оседлости и роскоши, какой я

еще не встречал в Монголии до сих пор... мы точно выезжали из каких-то гигантских ворот, которые походили на возвышавшиеся по обеим сторонам почти вертикальные холмы... В левой стороне дороги лежало большое озеро Цаган-нор. Мы приближались к местечку, судя по количеству юрт, довольно многолюдному, по имени Минган. Юрты его хорошо сделанные, чистые; около них также каменные ограды и городы; вблизи сложены запасы топлива в виде сворота; в окрестностях пасутся большие стада баранов» [Т. 1. С. 95—96]. Конец первого тома содержит описание степи, ночлега в китайской гостинице городка Нор-Дянь, Великой Китайской стены, спуска с гор на китайскую равнину и приезда в город Калган.

Второй том интересен описанием Внутренней Монголии. Представление о событиях, происходивших с экспедицией, о трудностях, с которыми она столкнулась, о дороге, по которой она двигалась, дают названия главок этого тома, такие как: «От Цзя-юй-гуань»; «Через Гоби в Хами»; «Приготовление к переезду пустыни»; «Первый ночлег в ней»; «Колодцы в пустыне»; «Голодание и ночное движение»; «Потеря лошадей»; «Солончаки»; «Колодец с отвратительной водой»; «Голодание животных»; «Убитый кулан»; «Ветер и песчаная пыль»; «Родники»; «Вырубленная рощица»; «Птицы пустыни»; «Группы верблюдов»; «Оазис и его два жителя»; «Привольный уголок в пустыне»; «Появление Тянь-Шаня на горизонте»; «Оазис Хами»; «Из пустыни в пустыню»; «Отъезд из Хами»; «Окраина Гоби»; «Южные склоны Тянь-Шаня»; «Перевал через Тянь-Шань»; «Кратчайший путь в Зайсан»; «Негодность вожakov»; «Опять потеряли дорогу»; «Голодание животных и первые жертвы смерти»; «Новые ночные блуждания в безводной пустыне»; «И смех — и горе»; «Дневка у Хоргутто»; «Голод животных усиливается»; «Ключ Хармали»; «Ночлег в безводном месте»; «Вторая ночь без воды»; «Мысли о смерти и первые муки от жажды»; «В обратный путь»; «Разделение на два лагеря»; «Неожиданное спасение»; «Двухдневная стоянка»; «Новые вожаки»; «Трудный путь»; «Замечательный гонец»; «Еще дневка»; «Степные законы»; «Снежный буран»; «Поэзия в дорожных невзгодах»; «Первые кочевья»; «Пир горой»; «Морозы и бураны»; «Новые муки»; «Ночь в тургутской зимовке»; «Первые люди с родины и ее дары».

Пясецкого поражало и давало толчок к творчеству все, что он встречал на своем пути; этому не мешали непривычные и тяжелейшие для европейца условия, в которых он оказывался. Его характеристика обстановки и этноса верна и по сей день. Она помогает понять особенности кочевой культуры, становление и развитие социальной и культурной среды, глубоко отличной от европейской. Удивительно верны психологически такие строки из его дневника: «Житель степей, кочевник, находясь среди подобной обстановки, не нуждается в каком-нибудь особом приюте; он привык к беспредельной степи как к своему дому, и

ему везде в ней уютно» [Т. 2. С. 912]. Говорит о тонкой наблюдательности автора и следующая запись: «Вот рядом со мной едет монгол, ведет запасных лошадей. Что за блаженнейшая и всем довольная физиономия. Солнце жжет его непокрытую голову; лицо блестит, словно намазанное маслом; прищулив глаза так, что от них остались две узенькие щелочки, он как-будто улыбается, но, всмотревшись в его лицо, видишь, что улыбки нет; видно только, что он в эту минуту ничего не желает, ни о чем не думает и никуда не стремится; он едет, потому что сидит на лошади, потому что лошадь его везет, потому что ему приказано ехать. Он просто живет, как дээрэн, как степная птица, и, пока здоров и сыт, совершенно доволен и покоен» [Т. 1. С. 93].

П. Пясецкий посвятил Монголии более трех десятков отдельных живописных и графических листов. В 1876 г. на первой выставке, приуроченной к отчету экспедиции, были экспонированы основные «монгольские» листы. Это: «Вид с горы Толгой-ту на север, близ Урги»; «Вид с горы Толгой-ту на юг»; «Общий вид города Урги»; «Дворец хутухты и кумирня Майдари в Урге»; «Близ Урги»; «Приезд экспедиции на станцию». В дневниках имеется словесное описание некоторых из этих этих акварелей. Например, к первым из них можно отнести такие слова в его дневнике: «Перед нами протянулась просторная монгольская степь, вся зеленая, лишь с разбегавшимися по ней в разных направлениях красноватыми песчаными дорожками; на горизонте в юго-восточной части поднимались синие зубчатые горы» [Т. 1. С. 24]. На этой же выставке были представлены еще четыре картины: «В Монголии, близ станции Бурултуй»; «Отдыхающие монголы»; «Станция в Монголии»; «Переправа через реку Хара-гол». В дневнике нами найдена одна запись, которую можно расценивать как имеющую непосредственное отношение к последней картине. В ней Пясецкий пишет: «Меня так заинтересовала эта переправа, что я совершил несколько рейсов туда и обратно... и не переставал удивляться железным силам и просто... ловкости этих людей» [Т. 1. С. 34]. Пясецкий был тонким психологом, что очень ценно в его живописном наследии. Его миниатюры изящны. Бытовые сцены ургинской жизни, диалоги русских и монголов во время торга переданы живо и точно. Нельзя не оценить также ювелирную огранку при передаче художником экстерьеров и интерьеров домов, храмов, кумирен, костюмов монголов и монголок. Запечатленное на листах имеет словесное выражение. Он писал в дневниках: «Нужно упомянуть о наружности и костюмах монгол и монголок. Эти смуглые скуластые люди, с узенькими, косо прорезанными глазами и прекрасными зубами одеты большею частью бедно...; костюмы мужчин и женщин очень похожи между собою и состоят из шаровар и халата с косым воротом, часто из материй ярких цветов, перетянутого кушаком, на котором вешают прибор с ножом, ложкой и палочками, да кисет с табаком и трубкой... на ногах кожаные сапоги, на головах шляпы с отво-

роченными полями, разрезанными назад, где к шляпе прикрепляются обыкновенно две ленты красного или голубого цвета в поларшина длины. Шляпы эти сидят на затылке и удерживаются завязками под бородой... женщины заплетают свои волосы в две косы, которые носят на груди, по плечам или за спиной» [Т. 1. С. 30]. Следующие главы второго тома книги имеют такие названия: «Вид в Гоби»; «Станция Нарам-Бильхэ в Гоби»; «Вид с Гоби близ станции Сайр-Усу». Они также нашли свое выражение в живописных листах.

Посетив Пекин, экспедиция направилась длинной дорогой через весь Северо-Западный Китай обратно к границе с Россией. Описание этого отрезка пути также является бесценным документальным, подлинным источником по архитектуре Урумчи и других населенных пунктов, встречавшихся на пути экспедиции. Для монголоведов особенно ценны портреты отдельных людей, принадлежавших к разным этническим подгруппам, а также групповые портреты, выполненные художником, его зарисовки различных уличных сценок и предметов быта.

Вот неполный перечень графических и живописных набросков, зарисовок, этюдов, представленных на первой отчетной выставке в Петербурге: «Вид в пустыне Гоби». «Стоянка экспедиции в Гоби»; «Семейный склеп Хамийских князей»; «Вид стоянки экспедиции после перевала через Тянь-Шань»; «Родник Хармали в пустыне»; «Привал экспедиции в песках»; «Песчаная пустыня»; «Движение экспедиции»; «Гора Богдо-ула». «Изуродованные деревья можжевельника, представляющие животных»; «Женские ноги»; «Парадный экипаж и оседланная верховая лошадь военного чиновника в Баркуле»; «Казенная грузовая телега, запряженная тремя мулами»; «Портрет Хамбо Гыгэна Джамян (станция Толи)»; «Портрет Воинского начальника Хамийского округа»; «Типы монголов из Ма-хэ (в Аляшане)»; «Портреты монголов, киргизов, тангутов, маньчжуров, китайцев»; «Типы: монгол-вожак, киргизка в обыкновенном костюме, продавцы орехов, продавец зелени, священник, нищие, дети, женские типы, костюмы мужчин, женщин, детей».

Много листов посвящено портретам детей, стариков, молодых женщин и мужчин в национальных монгольских костюмах. Это не только этнографические зарисовки, в них выражено стремление передать характер, возраст, состояние человека, его восприятие окружающей среды.

В начале XX в. мировая графика пополнилась акварельными, карандашными рисунками и скульптурными композициями на монгольские темы художников разных стран. Произведения Пясецкого были первыми работами в этой тематике. В них привлекает наблюдательность художника, точность, с которой переданы мазанки и юрты, костюмы, ювелирные украшения и другие характерные детали быта монголов третьей четверти XIX в.

П. Пясецкого поражали интенсивность цвета и глубина небесного свода на протяжении всего его

пути по Монголии. В каждом листе линия горизонта опущена ниже европейской нормы, небу отведена большая часть изобразительного поля. Небо то звонко-голубое, то нежно-розовое, то чисто-сиреневое, то открытое, золотого цвета, с солнечным диском на нем. И в каждом листе прозрачность воздуха позволяла художнику передавать бескрайность окружающего его мира. В дневнике об этом есть такие строки: «...по местности, покрытой желто-красным песком, сквозь который местами виднелся голый гранит, как бы истрескавшийся и спаянный жилами кварца. Встречались сухие глинистые холмы с торчащими на них пластинками темного сланца, попадалась бедная серенькая растительность» [Т. 2. С. 913].

Мощными мазками пишет Пясецкий акварелью «портрет» Гоби, представляющий собой величественное плато, которое тянется до горизонта; как айсберги, возвышаются высокие скальные вершины, которые, кажется, невозможно обойти. На рисунках Пясецкого мы видим, как караван совершает путь по траверсу этих вершин. Ощущение застывшего, остановившегося времени и бесконечной тишины в пространстве возникает, когда мы смотрим, например, на лист, подписанный «17 авг. 1875 г. Гоби».

На листе «1875. 2 октября», изображающем жанровую сценку, прекрасно решен пейзаж и обычные для монгольской жизни реалии: палатки, поклажа, монгольская низкорослая лошадь, обитающая только в этих степях, проводник в монгольской национальной одежде. Для П. Пясецкого все равнозначно и все интересно: золотарник, перекасти-поле, саксаул, поражающий европейцев своей змеевидной формой, стройный гобийский вяз. Первый, второй и третий планы дают художнику возможность построить композицию, в которой линия горизонта отстоит от зрителя на многие, многие километры.

Интересна композиция, созданная 2 октября 1875 г., где П. Пясецкий выступает как художник, наполнивший лист экспрессией. В этом отношении она отличается от предыдущих, где он рассказывал о пустынях и плато статично, с большей долей описательности. Можно сказать, что данная работа завершает рассказ Пясецкого об экспедиции по Внутренней Монголии. Растянувшийся на многие сотни метров караван верблюдов, извиваясь, покидает Гоби. Пясецкий в этом листе проявил себя как мастер-анималист, нисколько не уступающий монголам-художникам, которые из века в век славились умением передать в скульптуре и в живописной форме образ лошади: ее осанку, тонкие сильные ноги, грудь, круп. Лист построен на соотношении вертикальных пятен и горизонтальных линий; лента каравана по диагонали разрезает картину от правого угла до левой крайней точки, где изображены бархатные горы на горизонте. Все это придает листу динамику и движение.

В цели экспедиции не входило изучение горных структур, физической географии, флоры и фауны Монголии. Однако П. Пясецкого восхищали природа и животный мир Монголии; он не только вел днев-

них, рисовал, но и собирал архитектурные детали, предметы одежды, головные уборы, украшения, орудия труда, музыкальные инструменты, образцы минералов, горных пород, почв, гербарий, зоологический материал и многое другое, что важно для историков, этнографов, искусствоведов, что стало потом бесценными музейными экспонатами. Он привез в Петербург и безвозмездно передал в Российскую Академию наук для распределения по различным институтам 5 тысяч предметов, собранных во время этой экспедиции. Список названий растений, собранных во время его путешествия, имеется в книге. Гербарий П. Пясецкий передал в Ботанический музей Российской Академии наук. К его разработке сразу же приступил ученый-ботаник К. И. Максимович, начавший определять вид, род, отряд и название каждого растения.

П. Пясецкий вернулся в Санкт-Петербург через год и девять месяцев — 14 октября (по старому стилю) 1875 г. Ему удалось завершить камеральную обработку привезенных музейных материалов, но представить отчет, сдать записи, организовать выстав-

ку, на которой были бы полно представлены привезенные материалы, он не успел, так как был мобилизован в армию и 1877—1878 гг. провел на фронтах военной кампании в Болгарии. Но тем не менее в 1876 г. П. Пясецкий издал отчет «О медицине и санитарных условиях Китая»³.

В дневниковых записях, живописном творчестве Пясецкого 1874—1875 гг. Китай, естественно, занимает больше места, но это несколько не умаляет значение того вклада, который внес П. Пясецкий, посвятив Монголии часть панорамы и ряд самостоятельных альбомных листов. Его твердая рука, крепкая линия рисовальщика и любовь к акварели в полной мере реализовались в его картинах о Монголии, которые являются одними из первых работ европейских художников, рисовавших с натуры природу, животный мир, реалии кочевого быта и главное — человека Центральной Азии.

Этим объясняется значение пейзажной и жанровой живописи П. Пясецкого в художественном и в научно-востоковедном плане вплоть до настоящего времени.

Примечания

1. См.: Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). Из дневника члена экспедиции П. Я. Пясецкого. Т. I, II. СПб., 1880. 12 ил.

Далее по тексту цифры в скобках обозначают номер тома этого издания и номер страницы.

2. Экземпляр данной монографии хранится в Государственной публичной библиотеке Монголии.

3. Первые отчеты, изложенные в форме докладов, выставок и изданий, принадлежат Ю. А. Сосновскому.